

Евгений Шашурин

И берег Вычегды родной

Зарисовки из жизни

Рассказы

Очерки

Стихи

Евгений Шашурин

И берег Вычегды родной (сборник)

Издательский дом «Сказочная дорога»

2018

УДК 793.7:008(470.11)
ББК 71.0(2Рос-4Арх)

Шашурин Е. И.

И берег Вычегды родной (сборник) / Е. И. Шашурин —
Издательский дом «Сказочная дорога», 2018

ISBN 978-5-4329-0141-5

«Боже! Как прекрасен созданный Тобой мир!» – невольно хочется воскликнуть вслед за автором, читая его книгу. Героев Е. И. Шашурина охватывает чувство восторга и изумления от Русского Севера, от нескончаемого лесного моря, от людей, живущих здесь. Немало очерков и рассказов посвящено поисковым отрядам, в работе которых принимал участие и сам автор. Он провёл немало дней среди «поющих» деревьев на полях отгремевших боев Великой Отечественной: когда подходишь к такому дереву, «приставляешь к стволу металлоискатель, – он начинает подвывать, указывая на то, что в дереве – металл...». «Поющие» сосны и ели вызывают к нашей памяти... Тревожат душу зарисовки автора, идущего по жизни и многое по-своему видящего в ней...

УДК 793.7:008(470.11)

ББК 71.0(2Рос-4Арх)

ISBN 978-5-4329-0141-5

© Шашурин Е. И., 2018
© Издательский дом «Сказочная
дорога», 2018

Содержание

Об авторе	6
Кто сказал, что чудес не бывает...	7
Соловецкий триптих	8
Залеченные раны	12
Апрель	15
У деревни Ванёво	17
Тоже «афганец»	18
Пёс по кличке Друг	21
И пошутить нельзя...	25
Память	29
Калека	34
Перед Богом все равны	37
Неудача	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Евгений Иванович Шашурин И берег Вычегды родной *Рассказы. Очерки. Стихи*

© Шашурин Е. И., 2018

© Окулова О. В., рис., 2018

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2018

*Автор благодарит за содействие в издании книги сына –
Александра Шашурина и дочь – Татьяну Меньякову (Шашурицу)*

Об авторе

Шашурин Евгений Иванович родился в 1955 году в посёлке Вычегодский Архангельской области, где и проживает. Образование – специальное.

Увлечения: резьба по дереву, фотографирование. Пишет прозу и стихи, разрабатывает краеведческие сюжеты. Публикуется в газетах: «Вечерний Котлас», «Двинская правда», «Графоман», «Двинской Летописец», «Литературная стихия». Печатался в альманахе «Российский колокол». Автор нескольких рассказов в сборнике стихов и прозы о Добре – «Давайте будем бережней друг к другу». Для книги «Вычегодский: посёлок на Старице» написал главу «Учёные и творческие люди». Активный участник Котласского литературного собрания.

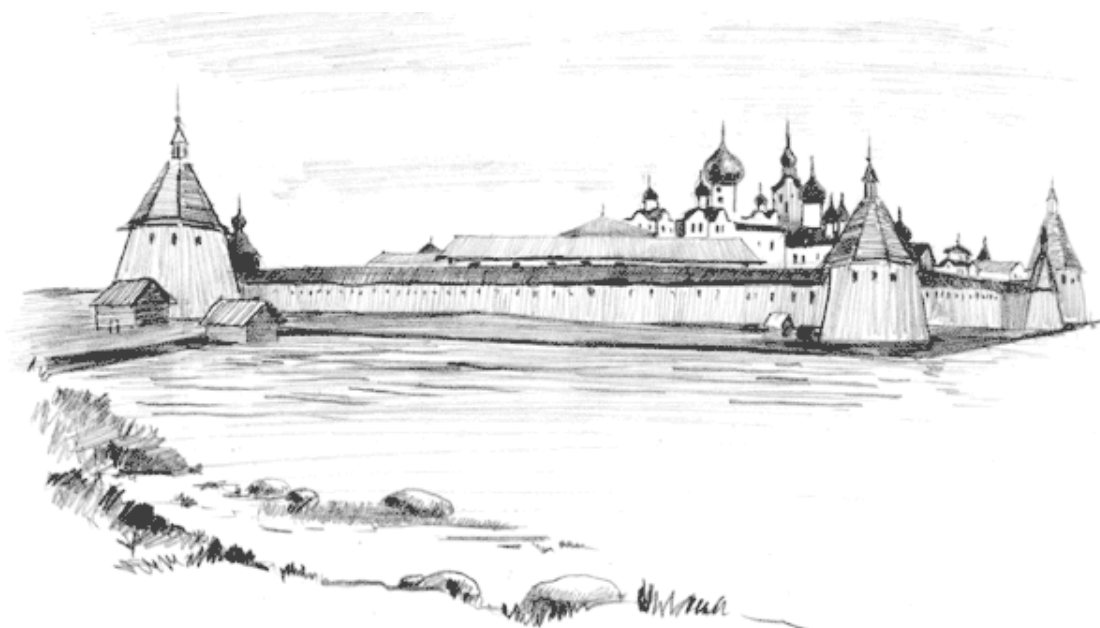
Номинант областного конкурса «Книга года – 2014» в номинации «Родная сторона». Победитель литературного конкурса им. Козьмы Пруткова (2014) и обладатель Диплома II степени в номинации «Лучший рассказ» (2017). Награждён дипломом газеты «Северная магистраль» (первое место в конкурсе рассказов «Военная любовь», посвящённом 70-летию Победы в Великой Отечественной войне).

Участник поискового движения Архангельской области. Выезжал на Всероссийские Вахты Памяти по местам боёв Великой Отечественной войны в Ленинградской области и Республики Карелия в составе поисковых отрядов «Мужество» (г. Корьяма)

и «Факел» (Пинежский район). В 2017 году отмечен Почётным знаком Поискового отряда «Мемориальная зона» Республики Казахстан за многолетний бескорыстный личный вклад в дело восстановления и увековечения имён бойцов и командиров, павших на полях сражений Великой Отечественной войны. Кандидат Интернационального Союза Писателей.

Кто сказал, что чудес не бывает...
рассказы, очерки

Соловецкий триптих

I

Утро. Теплоход «Василий Косачёв» отошёл от причала города Кемь. Всё дальше и дальше уходим от материка в Белое море, к Соловецкому архипелагу. Теплоход везёт нас на святые, загадочные острова, где ждут сказка, легенда, быль. Студёное море встретило нас неприветливо. Оно не ворчало, не волновалось, но с небом, которое нависло над ним густыми пепельно-лиловыми тучами, поливающими холодным дождём, явно было в размолвке.

Северный ветер однозначно был на стороне неба – резкими порывами он помогал дождю проникнуть в мою не походную одежду. Несмотря на усилия дождя, загнать меня на нижнюю палубу не удавалось.

Мне не терпелось увидеть Соловки. Стоя на средней палубе, я вглядывался в горизонт. Море безбрежно, величественно, а в его серых танцующих волнах чувствуются сила, грация и сдержанность. Для меня, сухопутного человека, далёкого от такого водного творения, – это диво, что-то невероятное и почти фантастическое. Думаю, что далеко не каждый северянин обширного Архангельского края, трескоед и шанежник, с чьей-то лёгкой руки приравненный к поморам, бывал на Белом море.

Вдалеке, в туманной дымке, появились острова. Через некоторое время они оказались по правому борту. Красивые берега с высоким хвойным лесом и полянами из пёстрого, с сединой, мшаника, усыпанные камнями и гигантскими валунами, – они также входят в Соловецкий архипелаг.

А название у них очень знакомое русскому уху, но непонятное для осмысления – Немецкие Кузова. Между Карельскими и Архангельскими берегами немецкие острова? Могу только предположить, что на Севере, да и не только, немцами называли шведов и прочих чужаков.

Дождь с ветром не ослабевали.

Несмотря на это, я решил подняться на верхнюю палубу. Взобравшись выше, встретил там ещё одного чудака, как и я, вымокшего, но желающего увидеть поскорее остров-легенду. Однако перед взором колыхалась тёмная, с проседью редких гребней волн, морская равнина, а небо с нависающими тучами и угрожающим видом как бы пыталось обратить на себя внимание и подчеркнуть свои масштабы.

Дождь усилился, и я вынужден был спуститься на пассажирскую палубу, мысленно прося небо освободиться от туч, показать свои голубые просторы и выпустить на свободу тёплое солнышко. Выпив чаю с булочкой и немного согревшись, я снова поднялся наверх.

Вдали, сквозь дождь и матовую дымку тумана, я увидел Большой Соловецкий остров, на котором, словно митра патриарха, возвышался православный монастырь с куполами храмов. Я приближался к мечте, а она плыла навстречу. Теперь я разглядывал всё окружающее в объектив фотоаппарата и почти беспрерывно нажимал на спуск затвора.

Теплоход пришвартовался. Мы с супругой сошли на берег острова Большой Соловецкий.

Я поздоровался со своей давней мечтой, посмотрел на хмурое небо и улыбнулся ему с надеждой, что и оно ответит милосердием гостям Соловецкого архипелага.

II

Если утром по прибытии на Соловки погода нас не радовала, поливая дождём и пронизывая нас сквозь холодным северным ветром, то во второй половине дня небо подобрело. Оно

убрало тяжёлые шторы туч и открыло бескрайнюю голубизну приполярного неба. Вышло на прогулку и солнышко, такое желанное и тёплое. Ветер, наигравшись с дождём, ушёл отдыхать, но нет-нет да и напоминал о себе прохладным дуновением. Белое море заулыбалось отражением голубого неба и, как бы извиняясь за утреннюю неприветливость, слегка волновалось, покачивая наш небольшой катер на волнах.

Острова за бортом поражали своими красками и разнообразием. Вот островок с танцующими среди камней низкорослыми берёзками. Они, как дети на детсадовском утреннике, вызывают лёгкое умиление. Вот пологий остров с высокими кряжистыми елями, отражение которых я вижу в малой морской волне. Лучи солнца и отблески моря придают деревьям таинственный изумрудный цвет.

Смотришь на такое явление, затаив дыхание, а потом, вдохнув полной грудью свежий морской воздух, получаешь ощущение лёгкости и восторга.

Проплываем мимо ещё одного острова. Он, как палитра Творца с множеством разных красок, смешанных и оставленных гигантским художником.

Посреди северного моря карликовых берёз и сосен, можжевельника и мшаника с обилием седых валунов и их собратьев камней поменьше. Омытые солёной волной и овеваемые всеми ветрами, они лежат вдоль берега, белые, как кости гигантских динозавров, выброшенные штормами и прибившиеся приливами лесины, придавая ещё большую загадочность островам.

Мы подплываем к Большому Заяцкому острову. Издалека видны деревянная церковь Андреевского скита и небольшие каменные строения. Катер медленно пришвартовывается к деревянному причалу.

По дощатым мосткам идём на остров. Он, как и все остальные острова архипелага, является заповедной зоной с множеством загадочных, запутанных лабиринтов, выложенных из камней несколько тысячелетий назад.

Ранимая растительность, приспособившаяся жить на камнях острова под солёными и студёными ветрами, кажется фантастической. Ползущие по заросшим мхом камням можжевельник и сосенки, кустами растущие карликовые берёзы и осины – всё это создаёт вид большого нерукотворного ковра, сотканного за многие тысячелетия.

Передо мной тундра среди холодного моря. В далёкие времена здесь был монашеский скит, а в двадцатых и тридцатых годах прошлого века – штрафной изолятор для женщин – заключённых Соловецкого лагеря особого назначения.

Повидал сей остров и монахов, и заключённых, о чём свидетельствуют Поклонные кресты, молчаливо возвышающиеся над островом. Слышал он и обращённые к Богу молитвы о спасении душ человеческих, крики о помощи, стоны униженных и умирающих людей.

Безмолвная аура хранит все этапы существования острова, возможно, записав их загадочными лабиринтами, чтобы в какие-то времена проявиться для обозрения и суда над злом.

Покидая остров, я испытывал странное чувство чего-то непостижимого, непонятого для моего восприятия и в то же время приятное чувство удовлетворения от увиденной божественной красоты. Воистину, остров – картина, архипелаг – загадка.

III

Немного за полночь, но светло, словно день. Солнце ушло в гости к морю и небу, воссоединившимися в единую линию горизонта. Присело рядом с ними и, как свеча в спальне, создавая уют, разбрасывает золотистый свет на всё обозримое морское и небесное пространство. Белое море, словно шитое золотом голубое покрывало на примятой постели. Оно омывает берега Соловецких островов, на которых возвышается лес-великан и растут карликовые деревья, а также покоятся поросшие мхами камни-старички, спящие под ласковый шёпот прибоя.

Лес молчит и тоже дремлет. На чуть-чуть потускневшем небе играют с лучами ночного солнца небольшие облака, примеряя на себя янтарные, розовые и красные цвета. Облака не спят, они не умеют спать, и, наверное, с удивлением смотрят на землю, погружившуюся в сон, тишину которого иногда нарушают крик ночной птицы и плеск волны.

Ночь на Севере – это загадка. Какая ночь? Ни на минуту не смеркалось. Кажется, что это день, а солнышко не в гостях у моря и неба, а просто спряталось за облако и вот-вот выйдет.

Я обернулся, как бы убеждаясь, что это не видение, а настоящая белая ночь, и увидел перед собой величественную красоту Соловецкого монастыря.

Он погружился в сон, как и всё живое, чем живут и дышат Соловки. Он окунулся в ночной покой, но не во тьму! Вот он стоит передо мной во всём своём величии посреди прозрачной ночи... Не чудо ли, видеть ночью?!

Север! Многообразный и суровый край. Весной он пробуждается под звон капли, журчание талицы и бурный разлив рек. Летом и осенью играет яркими красками природы. Зимой испытывает на прочность морозами и благословляет снегопадами – белой краской чистоты.

Белая ночь – это Божественное творение, прозрение, которое указывает, что свет побеждает тьму.

Залеченные раны

Казань провожала нас, нахмурившись. Ночью прошёл сильный дождь. Небо опустилось до православных крестов кремлёвского Благовещенского собора и полумесяцев мечети Кул Шариф. После вчерашнего солнцестояния, сегодня веяло свежестью. Попрощавшись с прекрасным древним городом, мы поехали в Раифский мужской монастырь, расположенный недалеко от столицы Татарстана.

Чем ближе мы подъезжали к монастырю, тем приветливее становилось небо. Серые невзрачные тучи рвались и разбегались в разные стороны. Они словно спешили открыть голубое небо перед гостями с Севера и выпустить солнце.

Мы выехали из леса, и перед нами открылся великолепный ансамбль церквей. Величественные и роскошные храмы с разноцветными куполами, тянущимися к небу, множество скульптур и цветников. Живописность белокаменному монастырю придаёт природное окружение: заповедный сосновый бор и озеро, омывающее зубчатые стены монастыря.

Экскурсовод, узнав, что мы из Архангельской области, посоветовал сходить в собор Грузинской Божьей Матери. Оказывается, в XVII веке сюда, в монастырь, была привезена точная копия, списанная с чудотворной иконы в одном из скитов близ Холмогор.

С тех пор и до настоящего времени икона Грузинской Божьей Матери – это главная святыня монастыря.

Ежегодно сюда приезжают десятки тысяч паломников; не упустили случая помолиться и мы. Как бы дополняя православное зодчество, ударил колокол... Ещё, ещё... И запели колокольца переливами, перезвонами...

Словно голос Бога коснулся меня, и невидимая тоска обожгла душу. Я остановился на тропе, ведущей к озеру, и, закрыв глаза, слушал божественную мелодию. Мыслями я окунулся в прошлое... Далёкое ли? Если в наши дни на моей родине стоят разрушенные храмы – незажившие раны вандализма.

Не обошла и монастырь беда, заглянувшая сюда в революционные годы прошлого столетия. Церковнослужители были расстреляны, а обитель превращена сначала в тюрьму для политзаключённых, а затем в колонию для малолетних преступников.

Ушло страшное время.

Как тяжёлая болезнь, отступил недуг разрухи, закрыв шрамы под слоем новой кирпичной кладки и штукатурки. Когда в начале 1990-х годов молодой монах Всеволод с послушниками пришёл в заброшенную и разрушенную обитель, он мог надеяться только на чудо, которое помогло бы возрождению монастыря. И такое чудо свершилось.

Первыми, кто помог монахам, стали местные мусульмане и президент Татарстана Минтимер Шаймиев, пожертвовавший средства на пять крестов для Троицкого собора – главного храма в монастыре.

Гуляя по монастырю, любуясь красивыми видами обители и природы, мы иногда поглядывали на запад, откуда надвигалась грозовая туча. Закрылось небо фиолетовым шатром, когда экскурсия подошла к концу. Мы сели в автобус и поехали, а небо, провожая нас, заплакало крупными каплями дождя.

Апрель

Северная весна в апреле капризна. Поющие ручьи, купающиеся в лужах солнечные зайчики и тёплые дни, радующие солнцем, нередко сменяются утренниками. Холодом, морозом сковывают они весну, сдерживая её желание вдохнуть новую жизнь в северные просторы.

Вот и сегодня я был поражён обилием выпавшего за ночь снега. Белизна расстелилась по земле, как чистая простыня на кровати перед брачной ночью.

Одинокая берёза, будто девица в спальне, замерла в белом наряде, боясь, что вот-вот подует ветер или выглянет солнышко и снимет с неё одежды, прикрывающие наготу. Хмурое небо, словно сеятель, сыплет и сыплет снег.

Снежинки, будто понимая, что век их недолог, не торопясь, нехотя падают и падают.

Ещё вчера звенящие и поющие потоки играючи бежали в ручей Берёзовый, а сегодня замедлили движение и без трепетного журчания, как бы извиняясь за свою нерасторопность, неохотно несут воды в ближайшую канаву.

Не слышно пения птиц, всё замерло. Снег в апреле, что незванный гость, радости не приносит. Утомлённые долгой зимой, все ждут тепла. И, дождавшись прихода дней с голубым небом и негорячим ещё солнцем, воодушевляются, словно заново рождаются под весенние трели скворца.

Эти ощущения сравнимы с чувствами от взаимной любви, от трепетного, несмелого прикосновения к милой женщине.

Ликует душа, расправляются плечи, хочется петь, танцевать, весь мир обнять.

Вдыхая тёплый воздух, наполненный запахом освободившейся от снега земли, получаешь силы, энергию и ещё большее желание жить. Весна! Ты – любовь моя!

У деревни Ванёво

Луга заливные, сенокосные. Травы, травы луговые. Сколько спето, написано, пересказано о вас, но, похоже, нет конца и края эмоциям у человека, зашедшего на луг и увидевшего его вновь и вновь. Выхожу на зелёный простор и оказываюсь посреди цветущего поля. Какое разнообразие колышущихся трав и цветов с яркими и еле слышными ароматами! Вдыхаю полной грудью неповторимые запахи северного луга и окружающего его лиственного леса.

Лужайки напоминают небольшие озёра, окаймлённые крутыми берегами берёзовых и осиновых рощ. Кустарники черёмухи и калины островками возвышаются среди волнуемой травы. Наступает сенокосная пора. Тимофеевка и овсяница, лисохвост и клевер полевой, васильки и ромашки, донник, ирис, иван-чай... Разве всё перечислишь?

Шмель, перелетая с цветка на цветок, своим жужжанием как бы призывает обратить внимание на цветы. Ирисы, словно маленькие синие звёздочки, упавшие с неба, раздают свою синеву окружающему миру. А семейства иван-чая напоминают домотканые коврики из розовых лоскутков, раскиданные на слегка колышущейся ниве.

Отвлекая внимание от завораживающей красоты, назойливый овод норовит сесть на лицо и укусить странника. Пение птиц – это же настоящая музыка.

Каждая птичка, исполняя мелодию, вносит свою лепту в звучание природного оркестра. Небольшое небесное облако ненадолго «шторкой» закрыло солнце и бросило тень на землю.

Птахи затихли, воздух тут же наполнился множеством других звуков. Улавливаю загадочный шорох травы и шелест листвы. Стрёкот кузнечиков перекликается с не менее мелодичными сверчками. Писк комаров, жужжание пчёл, гул слепней – эта разноголосица насекомых напоминает неспевшийся хор. Загадочная жизнь природы находится под пристальным вниманием голубого неба и солнца. Они, как мастера грима, придают лугу и всему окружающему свои оттенки, бросая тени и свет. Иду в траве выше пояса по северной пожне, словно лодка на озере, оставляя след.

Вдалеке, на кромке луга, вижу три дерева с кряжистыми стволами. Из множества их ветвей образовались раскидистые кроны, покрытые кудреватой зелёной листвой. Это липы. Им более ста лет. Посадили их крестьяне – братья Некрасовы, проживавшие в этих местах в начале XX века.

Деревья разрослись, дали большое потомство и влились в общий образ этой красивой местности. Всё ближе подхожу к липам. Они, словно три брата большого семейства, выдвинулись вперёд, а за ними их большая семья – лес. Берёзы и липы, осины и можжевельник, как неразлучные младшие братишки и сестрёнки, красуются друг перед дружкой своей статью и нарядами. Это прекрасное место находится у деревни Ванёво, бывшего Козьминского сельского совета.

Захожу в густой лиственный, словно в тёмные сени деревенского дома. Влажный, с запахом прелости, прохладный воздух оваял меня. Солнце редкими стрелами лучей, будто через дырявую крышу заброшенной избы, пробивается сквозь кроны к земле, освещая прошлогоднюю листву и поросшие мхом валежины. Удивительно тихо. Еле ощутимая тревога посетила меня. Почувствовал, будто кто-то со стороны наблюдает за мной... Что это? Мне захотелось быстрее покинуть это сумрачное место. Вскоре вышел к озеру с названием Ерши, и передо мной опять раскинулся северный луг.

Тоже «афганец»

Какая досада! Похоже, я опоздал на автобус. Быстрым шагом подошёл к остановке. С надеждой посмотрел на часы, огляделся... Не успел! На скамейке одиноко сидел мужик в камуфляжной форме, панаме и кроссовках. Опершись локтями на колени, он уткнул лицо в ладони и что-то невнятно бормотал.

Рядом стояла начатая бутылка водки, лежали две карамельки и печенюшка. Следующего рейса ждать не меньше полчаса. Благо, на улице весна, тепло.

Напротив, через дорогу, берёзы только-только выпустили на свет листочки, внеся в серые пригородные окрестности свежие краски. От русских красавиц не отставал и тополь.

Насыщенный смоляным ароматом воздух был свежим и вкусным, а листики поблёскивали яркой зеленью, улыбаясь утренним лучам солнца.

Я присел на скамью и посмотрел в сторону сидевшего мужчины. Он, слегка раскачиваясь, иногда тряс головой и всхлипывал. Отняв ладони от лица, повернулся в мою сторону.

Мутный блуждающий взгляд никак не мог остановиться, скользя мимо. Желая меня разглядеть, он пытался шире открыть глаза, выпучивая их.

Неровные усы топорщились на опухшем, небритом лице. Нижняя губа отвисла, и с неё стекала слюна. А он ладонью пытался её поймать.

Правой рукой мужчина взял бутылку и, протягивая её в мою сторону, спросил:

– Будешь?

– Нет, – ответил я.

– А я буду, – и он через горлышко сделал несколько глотков.

Сморщился. «Видимо, уже не лезет», – подумал я. Он, как будто угадав мои мысли, засмеялся и помотал головой. Вдруг резко выпрямил спину и, повернувшись ко мне, спросил:

– В армии служил?

– Служил, – ответил я.

– Где?

– ГСВГ, войска связи, Магдебург.

Мужик с минуту помолчал и сказал:

– Был у нас капитан из Магдебурга. Хороший командир, но «духи» убили.

Я понял, что передо мной «афганец», и чувство уважения к этому неопрятному, пьяному шевельнулось во мне.

«Гражданин, воин, наверняка отец», – подумал я, и мне почему-то стало его жалко.

Неожиданно «афганец» громко захохотал. Я пристально посмотрел на собеседника. Он уловил моё внимание к себе.

– А мы за капитана и других братишек отомстили. Перед дембелем гульнули, повеселились малость. С наших позиций орешник хорошо просматривался, а в нём душманские бай-стрижки орехи собирали. – Он хихикнул, высморкался и прохрипел: – Четырёх детёнышей положили. Орехов, суки, захотели, а мы их из миномёта жажнули, раз, два, – и всё...

Я с изумлением посмотрел на этого пьяного:

– Вы... по детям из миномёта?

Он взглянул на меня и, откинув голову назад, захохотал.

Поперхнулся, закашлялся и, давась нездоровым смехом, продолжил:

– Какие дети? Выродки! Подросли бы и в наших стрелять стали.

Я посмотрел на прикуривавшего сигарету «афганца», перевёл взгляд на берёзы и представил под ними убитых детей.

Чувство неприязни возникло у меня к рассказчику. Что подвигло этого человека стрелять по детям? Стадное чувство «делай, как все» или хищническая потребность человека бить,

убивать? Понимаю, что война ранит психику, но плохое стараются скрыть, стыдятся содеянного. Преподносился рассказ, как мне показалось, с некой бравадой.

«Афганец» глубоко затянулся сигаретой и, выпуская дым, сказал:

– Сын у меня погиб недавно, машиной сбило... Водитель, подлая шкура, скрылся, струсил, гад...

Он горько-горько заплакал. Голова его затряслась. Всхлипывая, он размазывал слёзы и слюни по лицу, сигарета выпала... Он плакал о потере своего мальчишка. Тех, убитых в орешнике, детей он не жалел, обзывая скверными словами. Похоже, он раньше не осознавал, что ему суждено будет испытать ту же боль, что испытали родители убитых ребятишек в далёкой стране.

Я сел в подошедший автобус.

В окно увидел, как мужик, продолжая рыдать, сполз со скамейки на землю, а стоявшая рядом бутылка упала...

Пёс по кличке Друг

У моей тётушки живёт собака по кличке Друг. Трудно сказать, какой она породы, но видно, что намешано в её дворежном происхождении много разных собачьих пращуров. Широкая кость, чёрный с подпалинами окрас и длинная шерсть подсказывают, что в предках у него были кавказские и немецкие овчарки. Возможно, есть в нём что-то и от благородных кровей, но пёс не тщеславен и к разным титулам равнодушен.

Живёт он в просторной будке, и кормят его отменно. Не забывает хозяйка и кости давать своему питомцу. Правда, с самого щенячьего возраста Друг сидит на привязи и дальше, чем на длину цепи, отойти не может.

В детстве пёс был очень любознательным и часто убежал со двора, бегал по деревне, с другими собаками заглядывая в чужие дворы.

Однажды он распугал соседских кур, после чего хозяйка посадила его на цепь. С тех пор дальше своего забора он не бывал. Вырос пёс незлобивым и доброжелательным, а потому к нему без страха слетались птички-синички. Они рассказывали разные деревенские новости, в том числе и о том, где и с кем бегают его друзья – Моська и Коська. Эти собачонки – брат и сестра, живут по соседству. Они сделали под забором подкоп и через него попадают к Другу. Пёс с нетерпением ждёт друзей и даже съедает не всё, что приносит хозяйка.

Выбирает лакомые кусочки, остальное – приятелям, дружба дружбой, а вкусенькое врозь. Часто ему приходится охранять остатки еды от старой хитрой вороны, которая прилетает во двор, садится на «конёк» сарая и ждёт удобного случая, чтобы поклевать из миски.

Пёс невзлюбил птицу и прозвал её Плутовкой за то, что она норовит стащить кусок покрупнее, не считаясь с хозяином двора. Его раздражал и её каркающий голос.

Вот и ныне¹ она сидит нахохлившись на излюбленном месте, изображая безразличие к происходящему возле будки, но нет-нет да и каркнет, бросив «чёрный» взгляд в сторону собачьей кормушки.

Сегодня Другу принесли овсяную кашу с куриными потрохами. Унюхав вкусный запах, пёс восторженно заповизгивал и, виляя хвостом в знак благодарности, лизнул хозяйке руку. Она дружески потрепала пса за ухом и погрозила Плутовке кулаком. Друг вытаскал из миски что повкуснее, жадно прищёлкивая зубами, сделал несколько хапков каши.

Сытый и довольный, он уже не обращал внимания на выпавшую из кормушки косточку. Присел и посмотрел в сторону Плутовки, которая наблюдала, с каким аппетитом ел пёс.

«Ну что, каркуша-хрипуша, я тебе ещё устрою трёпку!» – подумал пёс и улёгся у грядки с подрастающей картовницей. Развалился, вытянулся во весь рост, но так, чтобы не выпускать из виду Плутовку.

Ворона, вероятно, по-своему поняла поведение пса и перелетела с крыши на поленницу, от которой до миски было рукой подать. Друг наблюдал за плутоватой птицей и был готов проучить шкодливую. Ворона стала прогуливаться по уложенным поленьям, озираясь и опасливо поглядывая в сторону собаки. Голод, видно, так одолел её, что она совсем потеряла страх.

Она явно метила взять косточку с лёта, так привлекательно и близко лежавшую от неё. Даже не взмахнув крылом, она устремилась к добыче. Но Друг не дремал. Взмах его лапы, удар, – и ворона, не желая того, полетела в картофельную ботву.

Перевернувшись в воздухе, она громко прокричала:

– Ка-ар-р-р! – и, взмахнув крыльями, подалась в сторону забора. Уселась на штакетину и несколько раз прокричала ругательное «кар-р-р-кар-р».

Довольнѐхонький, Друг вскочил на все четыре лапы и пролаял: «Гр-граф! Гр-граф! Гр-граф!» Что на собачьем языке, как я понял, обозначает: «Ура! Ура! Ура!»

Удовлетворѐнный собой, он стал заигрывать с хвостом, и вконец развеселившись, крутился то в одну, то в другую сторону, пытаясь поймать его кончик. Когда это удавалось, довольно рычал, покусывал его, пока хвост опять не выпадал из пасти.

Запахавшись и высунув язык с чёрным родимым пятном, он подошёл к блюду и жадно стал лакать воду, ловко подхватывая языком.

Напившись вдоволь, Друг прилёг около будки, не упуская из виду миску. Пёс уже намеревался вздремнуть, но тут появились синицы, они прилетели пособирать остатки собачьей пищи. На правах хороших знакомых расселись на конуре, поленнице и завалинке дома. Посвистывая кто о чём, подлетали и перескакивали, приближаясь всё ближе к миске.

Пёс доброжелательно относился к этим маленьким шустрым птичкам. Тем более, что они были для него вестниками новостей, но не смел им позволить склевать кашу, которую берѐг для Моськи и Коськи. Он встал, недовольно встряхнулся и тявкнул. Птички замолчали. Друг, глядя на стаю пернатых и виляя хвостом, предупредительно зарычал. Малютки пошебетали меж собой и дружно упорхнули за сарай. Друг для порядка поворчал, огляделся по сторонам и взглянул на небо. Солнце поднялось высоко и стало припекать.

«Вот уже и полдень, а Моськи и Коськи всё нет. Наверно, сегодня их накормили сытно, и они, довольные, играют вдвоём», – размышлял про себя пёс. Друзья как-то жаловались ему, что хозяин не балует их и редко даёт вкусенькое.

---

¹ Теперь, сейчас. – Здесь и далее прим. автора.

В ожидании друзей, Друг начал яростно грести землю. Быстро-быстро перебирал передними лапами, песок летел из-под него во все стороны, а он рычал и всё глубже рыл. Останавливался, смотрел на проделанную работу, тыкался мордой, проверяя глубину, и снова принимался грести. Наконец яма была готова. Он обошёл её вокруг, оценивающе осмотрел и вальнул, словно в прохладную ванну, блаженствуя, давая остыть своему разгорячённому телу.

Пёс задремал. Только-только ему начал сниться сон про далёкое щенячье детство, как донеслось знакомое весёлое тьяканье. Друг встрепенулся, наострил уши. Он не ошибался: это голоса Моськи и Коськи.

«Ну наконец-то», – подумал пёс. Не спеша вылез из прохладной ямы и стряхнул с себя песок. Друзья бежали по деревянным мосткам, а Друг, переступая с лапы на лапу, радостно

поскуливая и помахивая хвостом, встречал гостей. Шустрые, довольные собачонки подбежали к Другу.

У собак нет лапопожатий, вместо человеческого приветствия они обнюхивают друг друга, доброжелательно виляя хвостами. Поздоровавшись с друзьями, пёс засуетился и несколько раз тявкнул, приглашая гостей отобедать.

Друзья не стали ждать повторного приглашения и ринулись к миске с кашей. Коська прыгнул, схватил косточку и, с удовольствием похрустывая, съел. Моська посмотрела на брата осуждающе и даже зарычала, выражая недовольство.

Собаки сунули мордочки в миску и с удовольствием стали уплетать кашу с потрохами. Нет-нет да и рыкнут друг на друга, а то и пытаются укусить. Наблюдая за ними, Друг радостно повизгивал.

Наевшись, гости стали играть с хозяином. Они прыгали на него то спереди, то сзади. Он увёртывался и пытался поймать их, но они ловко отскакивали в сторону, а цепь не давала ему возможности догнать шалунов.

Коська сумел даже запрыгнуть на спину Друга и, визжа от восторга, прокатился верхом. Наигравшись вдоволь, друзья по очереди подошли к блюду и с наслаждением налакались водицы.

Прилегли на землю, высунули из пасти языки и, часто-часто дыша, стали наблюдать, как мухи кружат над объедками. Скоро им это наскучило. Моська и Коська вскочили, встряхнулись, расправляя слежавшуюся шерсть, тявкнули негромко на прощание и, помахивая хвостами, побежали в деревню. Друг от обиды сердито гавкнул им вслед и отвернулся.

Пёс посмотрел в сторону миски, которую облепили назойливые мухи, и бросился на неё. Он бил кормушку лапами и пытался укусить.

Железная посуда отлетела, Друг рванулся за ней, но цепь удержала его, и он с лаем поднялся на задние лапы, выплеснув своё негодование в сторону валяющейся на борозде миски.

Налаившись до хрипоты, Друг присел, понуро опустил голову и загрузил. Встал, походил вокруг конуры. От нечего делать опять начал ловить хвост. Это быстро ему наскучило. Он прилёг и уставился взглядом себе под нос.

Издалека донеслось знакомое, но неприятное карканье. Ворона подлетела к сараю и, сделав круг, уселась на своё место.

«Ну, что смотришь, Плутровка-воровка? – мысленно обратился к ней пёс. – Радуетесь-не радуетесь, что я один-одинёшенек? Да и ты не в стае, тоже, поди², скучаешь».

Пёс широко зевнул. Послышался щебет.

Это, хлопая крылышками, снова прилетели синицы. Друг был безразличен к птичьим рассказам и новостям и не проявлял интереса к егозвившим птицам, которые смело подбирали остатки каши, по-своему переговариваясь между собой.

Он задремал. Что ему снилось, я не знаю, а птицы, склевав остатки, сытые и довольные, весело поднялись в небо и с высоты птичьего полёта громко чивиркали: «Спасибо, спасибо, Друг!»

---

² Поди – наверное.

И пошутить нельзя...

Николай Николаевич – весёлый, с чувством юмора, доброжелательный человек – работал в ЖКХ сантехником. Работу свою знал хорошо, а потому был востребован квартиросъёмщиками, особенно бабушками, которые любили его за весёлый нрав, вежливость и тактичность. Выполняя заявку в квартире, Николай Николаевич рассказывал им интересные истории и анекдоты, попутно устраняя неисправность. В знак благодарности бабули потчевали его пирожками с чаем, а иногда и водочки наливали. Николай Николаевич, будучи человеком вежливым и дабы не обижать добрых старушек, от угощения не отказывался.

Так и работал много лет, пока не стал чувствовать недомогание – усталость в ногах, а то и полное нежелание их – ног – слушаться хозяина.

Пришлось обратиться к доктору, а тот, выслушав и осмотрев пациента, направил на лечение в стационар. В больнице Николай Николаевич отродясь не бывал, даже в роддоме, а свет божий впервые увидел на пожне в сенокосную пору.

Определили его в шестиместную палату. Как человек общительный, Николай быстро со всеми познакомился.

Ответственный на работе, он и здесь проверил исправность смесителя, раковины, потрогал чугунные радиаторы – греют ли? Рассказал несколько анекдотов, но озабоченные своим здоровьем больные не приняли весёлого настроения новичка. Поглядев в окно, за которым благоухала золотая осень, раскрашивая деревья в жёлтые и бордовые тона на фоне тускнеющей голубизны неба, Николай лёг на кровать и стал рассматривать безликий белёный потолок. Он загрузил, что было несвойственно этому человеку.

В палату вошёл врач, полный мужчина лет сорока, в очках, в просторном белом халате и кожаных тапочках. Он чем-то напоминал хомячка-доктора с рисунка из детской книжки. Подошёл к Николаю и спросил:

– Вы новенький? – и, не дожидаясь ответа, присел на стул. – Что вас беспокоит?

Николай охотно, как-никак собеседник появился, но не спеша, чтобы доктор лучше его понял, поведал о своём недуге. Выслушав больного, врач осмотрел его, заставил несколько раз присесть и сказал:

– Будем лечить. Надо «чистить» сосуды.

Николай выпрямился и с удивлённым выражением лица спросил:

– Чем чистить, вотакаонавошь, ёршиком?

Доктор с любопытством посмотрел на него:

– Нет, медикаментозно.

Лицо Николая, незнакомого с медицинской терминологией, ещё больше вытянулось от удивления.

– Доктор, – волнуясь, осторожно начал Николай, – вотакаонавошь, а это как?

Врач недоумевающим взглядом посмотрел на больного. Мало того, что непонятливый, но ещё и присказка у него какая-то странная, смысл которой он никак не мог уловить. Но всё же решил вкратце объяснить технологию лечения:

– Будем делать уколы, ставить капельницы, назначим физиопроцедуры.

Николай, о чём-то размышляя про себя, пожал плечами, хмыкнул и сказал:

– Я где-то читал, что сосуды человека, вотакаонавошь, очень схожи с сосудами свиней, и их применяют для оперативного лечения сосудистых заболеваний у людей.

Теперь доктор смотрел на больного и не мог уразуметь, то ли он дурака валяет, то ли говорит на полном серьёзе. Лицо как будто серьёзное, но в глазах просматривались усмешка, ирония.

Доктор окинул взглядом лежавших на кроватях больных, открыл историю болезни, полистал и, пристально глядя на пациента, ответил:

– Николай Николаевич, вы не подопытный, а я не сантехник и не ветеринар, чтобы пользоваться ёршиком и органами животных для лечения, так что оставьте свои познания или шутки при себе.

– Ну что вы, доктор! Я читал об этом и подумал, что, может, так быстрее: заменить сосуды, да и всё, – глубокомысленно ответил необычный пациент.

Доктор ушёл. Потянулись нудные больничные будни. Николай освоился с больничным режимом, перезнакомился со всеми медсёстрами и санитарками, рассказывая им разные истории, анекдоты, и не забывал отпустить комплименты в адрес прекрасного пола в белых халатах.

За период длительного пребывания в больнице у него выросли усы и густая чёрная борода, а потому доктор при очередном обходе посоветовал ему сбрить лишней волосяной покров на лице. Николай, человек исполнительный, тщательно выбрил лицо и подравнил причёску.

В понедельник во время обхода доктор, зайдя в палату с медсестрой и увидав своего подопечного выбритым, одобрительно, во весь рот, заулыбался:

– Ну, Николай Николаевич, совсем другой вид имеете. Смотрите, какой привлекательный стал! Не правда ли, Зинаида Ивановна? – и он посмотрел на сопровождавшую его медсестру.

Николай прокашлялся в кулак и, глядя в глаза своему лекарю, заявил:

– Товарищ доктор, вы и то заметили, вотаканоавошь, что я побрился, постригся, одеколоном освежился. И что? Я вот перед медсёстрами и анфас, и в профиль, и так к ним, и этак... – Он стал быстро жестикулировать и гримасничать. В голосе его слышались нотки издёвки и юмора. – А они что? Не смотрят на меня, вотаканоавошь! Придут со шприцем, и одно у них: «Снимай штаны, ложись», и смотрят на мой зад! Неужели он такой привлекательный? – Николай разочарованно махнул рукой.

Послышался смех. Доктор и медсестра в упор смотрели друг на друга. Лицо врача стало краснеть, принимая цвет зрелого помидора, и, махнув рукой в сторону подопечного, врач выпалил:

– Выписать его!

Николай выписался из больницы.

Весельчак, юморист, он и продолжает оставаться таким. И если язык, чаще всего, его союзник и соратник, то ноги всё больше и больше не хотят далеко водить своего хозяина, особенно в больницу.

Память

*Пришла безвестность, а отнюдь не слава,
ко всем убитым, что плашмя лежат.*

В. В. Ноговицын

На место расположения лагеря на речке Чёрной у Чёртова моста, Кировского (Мгинского) района, Ленинградской области, наш сводный отряд «Мужество» (Коряжма) – «Виледь» в количестве десяти человек прибыл ближе к вечеру. Уже смеркалось. Расположились на бывших немецких позициях. Рядом уже стояли лагеря земляков из Северодвинска, Архангельска и Пинеги. Чуть поодаль – кировчане и челябинцы.

Мы с Владимиром Ноговицыным не без помощи опытного поисковика Сергея Шаньгина установили палатку. Я повесил в углу, у своего спальника, иконку Божьей Матери Троиручицы, она моя помощница в работе и творчестве. После ужина разошлись по местам. Немного обменявшись первыми впечатлениями, уснули. Проснулся от пения ранней птицы – птаха пробовала своё утреннее соло. Пошёл к реке умываться, а заодно и познакомиться с лесной красавицей.

Река Чёрная – не широкая, метров десять. Течение сильное и глубина – дна не видно. У меня всё ассоциируется с периодом войны. Представил, как в этой речке, возможно, на этом месте, умывались и брали воду солдаты. За утренним столом обговорили план работы на день. Надо установить шатёр для кухни-столовой, оборудовать туалет и душевую, заготовить дрова. Что мы и делали весь день.

Утро встречает морозящим дождиком и распевкой соловьёв. Сегодня выходим в лес. От лагеря до места поиска около получаса ходу по болотистой местности, поросшей тонким высоким березняком. Деревья растут часто, и у меня это ассоциируется с погибшими солдатами, мощи которых обрели новое состояние, превратившись в деревья. Крупные капли недавно шедшего дождя слезами повисают на нераспустившихся почках берёз, иголках хвойника и скатываются по стволу. Впечатление, что они плачут. Я осторожно губами прикоснулся к ветке – не солёные... Немного отлегло, хорошо, что не слёзы... На земле, среди редкой травы, много, очень много белых цветов с жёлтой завязью. Словно смотрят в небо, на нас, идущих по лесу, а некоторые, потупив взор, глядят вниз... Хорошо заметны раны земли. Время сделало своё дело, но не исправило, не залечило то, что натворил человек. Длинные, извивающиеся, осыпавшиеся и поросшие мхом и брусничником окопы. Множество бывших блиндажей, воронок разной величины, наполненных водой и без неё.

Владимир Валерьевич – мой поводырь. Он мне всё поясняет, а я внимательно слушаю, а что неясно, спрашиваю. Вот бухта немецкой колючей проволоки, даже не размотана, не успели использовать. Куда ни обрати взор, повсюду металл, снаряды и мины с боеголовками и без таковых. Здесь – эхо войны, о которой много слышал, читал, смотрел кино, но когда вошёл в этот лесной массив, мне стало зябко.

Заплакали, заподывали металлоискатели поисковиков. Так аппаратура реагирует на посеянные человеком семена смерти – осколки разной величины, мины, снаряды. Но эти стальные мёртвые семена не прорастают, они не могут дать жизнь, их задача – убивать. Видя, сколько их здесь, я удивляюсь, что кто-то из бойцов остался жив. Подошли к Чёрной речке. Недалеко виднеется поваленная, толщиной в обхват, осина.

Нам надо перейти через реку по скользкому бревну, переброшенному через русло. Стойку установленного когда-то на противоположном берегу поручня перегрызли бобры, и

жердина упала одним концом в воду. Поисковик из Санкт-Петербурга Саша Адамчук быстро и ловко перебрался на ту сторону, взял конец жерди на плечо и дал команду переходить. Этот манёвр очень облегчил переход, и мы все благополучно форсировали водную преграду.

Недалеко увидел деревянный крест, ещё, ещё... Это метки на местах, где поисковики находят безымянных (без медальонов) бойцов. Постоял около одного, другого... К горлу подкатил комок, в глазах – туман. Иду со шупом и тычу, тупо тычу им в землю. Под сапогами чавкает болотина. Скрежет – опускаюсь на колени, снимаю дёрн скобой – осколок... Длинный, тонкий, чем-то напоминает хищницу щуку. Иду дальше. Постоянно на что-то натываюсь, то на камень, то на осколки. Железа больше. Опять на колени: снимаю дёрн с земли, словно скальп, беспокою её, израненную. Большой осколок от разорвавшегося снаряда, толстый и тяжёлый. Он напоминает разбитый по вертикали стакан. Я не устаю опускаться на колени и с молитвой обращаюсь к земле и бойцам, которые сражались здесь давно-давно и которым суждено было здесь остаться... Опять копаю землю.

Мой шуп в очередной раз ткнулся во что-то. Уже более-менее привычными движениями работаю скобой. Появилась стальная гнутая проволока. Догадываюсь, что ручка. Возможно, от ящика для переноски мин. Пытаюсь потянуть на себя, не поддаётся. Обкапываю и вижу немецкую противотанковую мину.

Стоявший рядом Саша Адамчук остановил моё усердие. Он подошёл к находке, осторожно снял с неё дёрн и установил в вертикальное положение. Закувала кукушка.

Отгоняю от себя желание поддаться на провокацию рябой птицы и задать классический вопрос:

– Кукушка, кукушка, а сколько мне лет жить?

И тут же другая мысль:

– А зачем тебе это знать?

И правда, зачем? Позже заметил, что, когда опускался на колени и начинал рыть землю, кукушка тут как тут:

– Ку-ку, ку-ку...

Прислушиваюсь к другим певчим птицам, они красиво поют и не пророчат ни долгие, ни короткие лета. Двигаемся с Владимиром Валерьевичем по лесу, иногда перекликаясь, чтобы не

терять друг друга из виду. Подходим к двоим нашим поисковикам. Они копаются у небольшой воронки, наполненной водой. Вижу на земле часть черепа...

– Нашли? – спрашиваю.

– Похоже, зацеп, – ответил командир отряда «Виледь» Юрий Шевелёв.

«Зацеп» на жаргоне поисковиков означает находку признаков (кости, личные вещи) останков бойца. Мы с Ноговицыным присоединились к поиску. Через некоторое время у кромки воронки был обнаружен ботинок большого размера. Расположились вокруг заполненной водой воронки – эпицентра далёкого взрыва. Я срезал кочку и увидел предмет, похожий на остаток прошлогоднего стебля подсолнуха. Взял в руки находку и с вопросом: «Что это?» – протянул Александру.

– Кость верхней части ноги, – сказал мне поисковик и предложил положить её, как она лежала, чтобы определить направление падения солдата.

Ребята стали находить другие останки. Я ковырнул скобой дёрн и увидел кость от второй ноги. У воронки собрался почти весь отряд. Посоветовавшись, они предположили, что, вероятнее всего, останки туловища найденного бойца лежат в воронке. Старой каской быстро отчерпали воду и копнули вглубь. Стали доставать личные вещи: бритву опасную, нож складной, два кошелька с истлевшими бумагами. Вытащили развалившийся подсумок с патронами от винтовки «Мосина» и с десяток обойм. На белом песке виднелось ржавое пятно, откуда были извлечены личные вещи. Туда и запустил руку один из поисковиков.

– Нашёл! – воскликнул он и выскочил из воронки. В руках у него был медальон. Ребята окружили его, и он осторожно стал откручивать колпачок. Внутри эбонитового шестигранника, наполненного водой, торчал кончик бумаги.

Содержимое доставать не стали, а колпачок завернули и положили медальон в пакет. По возвращении в лагерь находку передали в штаб на экспертизу. Для меня это была первая раскопка, и я находился под впечатлением от увиденного.

Каждое утро, позавтракав кашей или бутербродами, мы выходили на поиск. С собой брали сухой паёк и в лесу обедали. Воду набирали в ближайшей, наполненной водой глубокой воронке и кипятили на костре.

Возвращались часам к шести вечера. Целый день на ногах, на коленях, но усталости не чувствовалось. Я, как новичок, подбирал всё подряд: осколки, хвостовики мин, пустые мины. Кто-то из ребят спросил меня, что я хочу больше найти: интересную вещь для сувенира или солдата? Конечно, я искал бойца и верил, что найду. Мне хотелось отдать дань памяти всем воевавшим и погибшим, но в первую очередь – своим родственникам и землякам.

29 апреля Владимир Валерьевич нашёл останки бойца. Он позвал меня, и мы вдвоём собирали косточки, тщательно перетирая каждую горсть земли, с надеждой найти медальон или какие-то другие вещи, указывающие на личность, но, кроме маленького гаечного ключа и отвёртки, а также пуговиц от шинели и гимнастёрки, ничего не нашлось.

На следующий день мы с Ноговицыным установили на месте находки бойца деревянный крест. Эту традицию в отряде ввёл Сергей Шаньгин из Коряжмы, а мы её поддержали. Не знаю, какой веры был боец и верил ли он в Бога. Воевал он под красной звездой, и она могла бы отметить его место упокоения, но мы ставим крест. Очередным утром мы опять пошли в лес. Моя цель – не только участие в «Вахте Памяти», но и найти солдата. Мы разошлись по массиву. На кромке леса и ЛЭП я стал прорабатывать щупом место у берёзы, которая росла рядом с воронкой.

Послышался тихий скрежет металла. Привычно опустил на колени и стал работать скобой. В руке оказалось несколько нестреляных патронов от ППШ, ещё, ещё... Дальше стали попадать стреляные от винтовки «Мосина». Прикинул, на какое расстояние вылетает гильза после выстрела. Метра два... Сдвинулся немного влево и снова стал работать скобой. Снял

кочку и увидел кость. Взял её в руки, очистил от земли. Копнул ещё, снова кость – позвонок, ещё – тазовая кость. Я понял, что зацепил останки солдата.

Позвал Владимира Валерьевича, показал ему находку, и мы вдвоём продолжили поиск. Мы перетирали каждую горсть земли, чтобы, не дай бог, не пропустить хоть маленькую косточку, и желали увидеть медальон. По сантиметру, дециметру мы снимали дёрн. Владимир нашёл штык от винтовки и сапёрную лопатку. Добрались до воронки, там должен быть пояс с подсумком. Попалась застёжка от ремешка, нож-складеньчик, пуговицы. Очень много шрапнели – обросшие ржавчиной шарики. Рядом с бойцом, вероятно, взорвался шрапнельный снаряд...

Ноговицын обнаружил часть черепа, стали собирать его – по косточке, по зубику. Зубы «несъеденные», значит, солдатик молодой. Я выдернул ствол сгнившей берёзки вместе с кочкой и увидел на земле верхнюю часть черепа. Поднял кость, а там – змеёныш. «Как ныне собирается вещий Олег...» – промелькнуло в голове, вспомнилась былина. Взял змеёныша и бросил в воронку с водой. Мы собрали найденные мощи бойца в пакет и присели отдохнуть...

Я был очень доволен, что нашёл, поднял бойца. «Кто он? Откуда? – эти мысли не выходили у меня из головы. – Может, наш земляк, из деревни со знакомым названием? Возможно, есть родственники». Я ещё раз внимательно осмотрел место в надежде увидеть медальон. С Владимиром Ноговицыным установили крест над «моим» солдатом и посадили ёлочку. Кресты сгниют и упадут, а дерево будет расти долго. Выкопал две ёлочки и сосенку. Решил увезти домой, чтобы посадить на своём участке...

Память...

Калека

Каждый день прохожу в Вычегодском по старой дороге на Шанхай, индивидуальную часть посёлка. Узкая, около двух метров, она пролегла между железной дорогой и кромкой глубокого оврага, на дне которого торопливо бежит ручей Берёзовый. Насобирав рыжеватой воды из Едомских болот, он спешит донести её в усыхающее русло Старой Вычегды. Раньше овраг был более глубокий, ручей протекал немного другим руслом.

Мы с мальчишками ходили сюда, в обильный ольшаник, за опятами. Зимой катались на лыжах с угоров и прыгали с трамплина через замёрзший ручей.

Весной сооружали запруды на пути вновь рождённых звенящих и журчащих музыкантов весны... Вот и в этот холодный день поздней осени я беззаботно шагал домой. Навстречу с большой скоростью нёсся пассажирский поезд «Воркута – Москва».

Вдруг мой взор привлекла грязная короткая сучковатая палка, торчащая из щебня у торца шпалы. Она под мощным потоком воздуха от стремительно проходящего поезда дрожала, словно от испуга, но не гнулась. Да и не могла она сгибаться... Коротенький ствол без верхушки, несколько чёрных от мазута веточек с иголками...

Я догадался, что это деревце. Почему-то вспомнился беспризорник Мамочка из фильма «Республика „Шкид“»...

Поезд прошёл. Я подошёл к отростку, осмотрел, потрогал, как бы убеждаясь, живо ли это грязное чудо. Надо же родиться в метре от рельсы?! Сильно изуродовано, не сразу и поймёшь, сосенка это или ёлочка. В душе пожалел несчастное деревце и пошёл домой. Но мысли о дереве-калеке не выходили из головы.

Судьбы людские, судьбы деревьев и всего живого... Есть ли какая-то связь? Живут люди – сильные, здоровые, не знающие ни нужды, ни горя. Есть и другие, кого постигли тяжести болезней, нужды, физического надлома.

И деревья так. Кому-то жить и расти в Летнем саду, красивом парке, роще, сосновом бору... А вот этому даже не в чистом поле выпало родиться, где оно могло бы вырасти, пусть в одиночестве, но мощным кряжистым деревом, украшением и природным указателем, радующим взор путника. А здесь – какая судьба? Скорая гибель от снегоуборочной машины, мазута или химической обработки.

Когда на следующий день возвращался домой, то подошёл к деревцу, поздоровался с ним. Решил перенести его на свой домашний участок, попробовав спасти от неминуемой гибели. Однако в предзимье моя попытка откопать его из щебня не увенчалась успехом...

Отныне, проходя по старой дороге, всегда здоровался со своим новым знакомым, желал ему здоровья и просил подождать до весенних деньков. Пришла зима, начались снегопады. Калека скрылся под снегом. Зимой этот участок дороги превращается в непроходимый сплошной сугроб, а потому мой маршрут на работу и с работы сменился.

Я ждал весну... И вот она, моя желанная и долгожданная, пришла. Люблю весну! Никогда не устаю её ждать, чтобы вновь и вновь увидеть просыпающуюся природу, первые проталины вокруг деревьев, бегущие ручейки, наполняющие канавы, реки и озёра талой водицей. Любуюсь мать-и-мачехой. Эти первые северные вестники весны своими ярко-жёлтыми цветами, как тысячи маленьких солнышек, греют сердца и души северян.

Это время года навевает на меня теплоту и необъяснимые чувства душевной благодати и удовлетворённости. Даже прохладный весенний дождь звучит мелодией, пусть и грустной, но желанной и родной. А может, это просто потому, что весне, как любимой женщине, прощается всё.

С жадностью вдыхал свежий аромат пробуждения северной природы. Жаль, обнять не могу... Необъятная! Мне не терпелось навестить своего знакомого и скорей перенести деревце

на свой благоустроенный участок, где растёт много его собратьев, привезённых мною из разных мест.

Снег на «железке» сходит быстро, и грязная железнодорожная насыпь под весенним солнышком теряет свою промёрзлую прочность, приобретённую за зиму.

Вечером, придя с работы, взял лопату и пошёл за деревцем. Помолившись и извинившись перед ним, что вырываю, хотя и с неухоженного, но родного места, аккуратно подкопал корень и извлёк поломанный отросток из державшего его щебня. По корню понял, что это сосенка, но сомнения оставались: уж очень сильно оказалось деревце повреждено, а иголочки недоразвито коротки.

Посадил его в укромном месте у забора. Всё лето приглядывал за своим новым питомцем. Деревце потихоньку освобождалось от грязи, но признаков жизни не подавало, разве что иголки не подсыхали, и это давало надежду, что выживет...

Минули лето, осень, и снова пришла зима.

Добрые неторопливые снегопады и неласковые вьюги спрятали под толстый слой снега мой участок с подрастающими клёнами, ёлочками, липами и дубками. Они беззаботно заснули, а я опять стал ждать весну.

Наступил март. Ветки, сбросив зимние одежды, расправились, подставляя набухающие почки нежному теплу солнечных лучей. Иголки на хвойниках зазеленели более ярко.

Подойдя к месту, где спал мой питомец под толстым слоем набухшего от влаги снега, я осторожно разгрёб сугроб, открывая деревцу весеннее солнце. Нежное и тёплое, оно коснулось его изуродованного ствола, и мне показалось, что моё деревце проснулось... Оно перезимовало на моём участке! Поприветствовал его, пожелал тепла и прекрасного роста.

Примерно через месяц на его веточках появились маленькие пушистые «ёжики».

С каждым днём деревце преображалось, покрываясь всё новыми щепотками зелёных иголок.

В этом израненном чуде появились признаки молоденькой сосенки, коренного жителя северных лесов.

Сосенка приветливо улыбалась мне и миру, улыбался и я.

Перед Богом все равны

Вначале 70-х прошлого, двадцатого, века я волею судьбы попал в одну из медицинских клиник Ленинграда. Жёлтого цвета четырёхэтажное здание, выполненное в стиле русского зодчества, когда-то принадлежало Александро-Невской лавре. В Финскую войну³ его приспособили под госпиталь, а в мирное время организовали спецлечебницу.

Территорию больницы разделяла надвое высокая железобетонная стена с колючей проволокой по периметру. На одной стороне, за высоким забором, располагались психиатрические отделения, вторая половина этого заведения, с более мягким режимом, соседствовала с Духовной семинарией. Границей между этими двумя совершенно разными по назначению учреждениями служили яблочно-вишнёвый сад и широкий, мощённый булыжником тротуар.

От Александро-Невской лавры семинарию и больницу отделяла высокая деревянная стена из горбыля. Куски оборванной ржавой «колючки» торчали из проросшего меж досок кустарника, на нём и висела покосившаяся изгородь. Среди зарослей угадывались будка сторожа и большая калитка на кованых петлях со смотровым глазком. Это кратчайший пешеходный путь от семинарии в Лавру.

Вот в таком пространстве, между прекрасной архитектурой, большим фруктовым садом (где на кривых ветках, густо покрытых листвой, висели зелёные яблоки, а на кустах вишни – бордовые «рубины» зрелых ягод) и ограждением с колючей проволокой, я провёл четыре месяца. Потянулись скучные больничные будни. Тяжело видеть страдания, потухающий оптимизм, слёзы и безысходность теряющих надежду на выздоровление окружающих тебя людей.

Страх умереть молодым был нередким гостем, он сеял смуту в сознании, указывая на неопределённость твоего будущего. Чтобы не поддаваться панике, вспоминал отца, прошедшего войну и лагеря, а также героев-комсомольцев.

Разнообразие в мрачную повседневность вносили прогулки в саду, игра в волейбол, общение с учащимися семинарии и колокольный звон по выходным. Молодые и не очень люди в рясах были непривычным зрелищем для меня – советского юноши, комсомольца и атеиста. Это вызывало какое-то опасение, непонимание. Правда, когда стал общаться с ними, насторожённость прошла. А вот непонимание осталось.

Семинаристы хорошо играли, были тактичны и сдержанны. Физической подготовке некоторых из них мы могли только позавидовать. Запомнился один будущий батюшка, мы его между собой называли отец Николай. Небольшого роста, спортивно сложенный и симпатичный молодой человек, с аккуратной бородкой, в очках с оправой под золото, регулярно занимался физкультурой. Особенно впечатляло его упражнение, когда он брал в руки тяжёлые гантели и делал заднее сальто прыжком с места. У нас это вызывало восхищение, но мы даже не пытались повторить что-то подобное.

Общаясь с молодыми духовниками, мы не могли не затрагивать тему о Боге. Честно сказать, их искренняя вера и убеждённость, что Бог есть, никак не доходили до меня, бестолкового. Я верил в комсомол, коммунизм и в то, что наша страна, СССР – самая справедливая в мире.

Хотя серьёзно болели, ни у кого из сверстников, в том числе у меня, не возникало и мысли обратиться за помощью к Всевышнему.

Единственное, что меня привлекало из церковного окружения, – красота храмов, чистота монастырского подворья и колокольный перезвон.

---

³ Советско-финская война 1939–1940 годов – война между СССР и Финляндией в период с 30 ноября 1939 года по 12 марта 1940 года.

Очередным воскресным утром я подошёл к окну и стал рассматривать уже знакомые мне витиеватые узоры, лепнину и декоративную кирпичную кладку на церквах, подсознательно ощущая загадочность и величие строений под золотыми куполами.

Ждал, когда запоёт звонница. Первое время это было для меня лишь развлечением, но с каждым разом я всё больше и больше проникался потребностью слушать колокола. Вот ударил большой, ещё, ещё... И полился перезвон.

Колокольня Фёдоровской церкви стояла на расстоянии менее пятидесяти метров, я смотрел на неё из зарешечённого окна четвёртого этажа. Не видя звонаря, но вслушиваясь в умело извлекаемые волшебные звуки божественной мелодии, я всё больше и больше погружался в необъяснимую мне среду умиротворения и спокойствия.

Перед глазами – жёлто-белый столп с переливающимися блаженным светом, словно нимб, крестами, а вокруг – бирюзовая чистота, с мерцающими вдалеке серебристыми бликами, похожими на летающих над рекой стрижей.

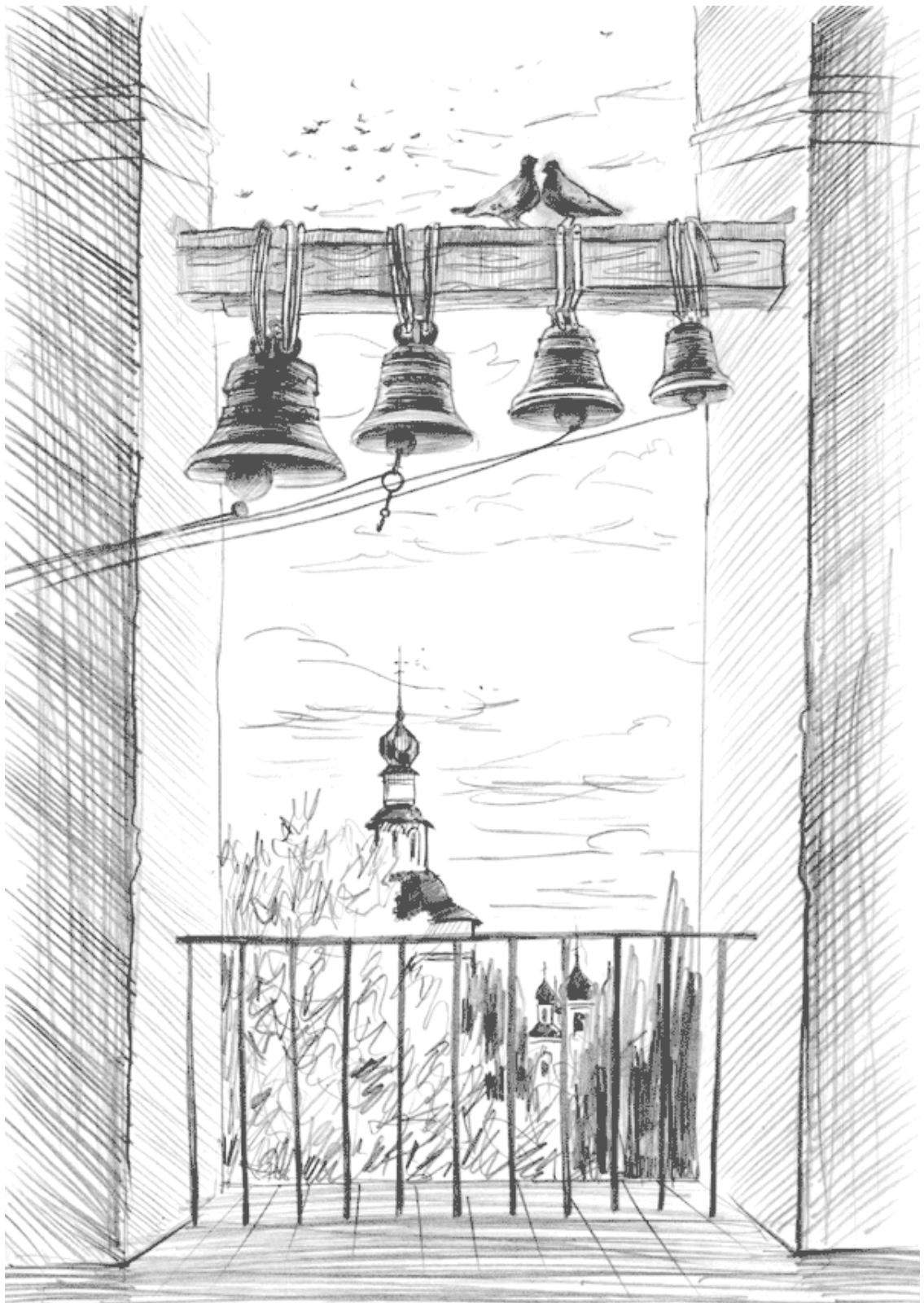
Я испытывал состояние лёгкого восторга и нежного трепета. Вдруг где-то в глубине мелькнула мысль: «Ты же комсомолец. Как можешь такое слушать?...»

Я встрепенулся, колокола продолжали петь, а передо мной стояла медсестра Людмила Ивановна:

– Что, Саша, заслушался? В газете писали, что скоро запретят этот шум, больных раздражает.

Не успел что-либо сказать или возразить, а она продолжала:

– Алёша умер... Сегодня ночью тебя и ещё кого-нибудь из ребят подниму. Унести тело в морг надо.

Я молча кивнул, а на душе стало тревожно и тоскливо до боли. Только что пережитое прекрасное мгновение под звон колоколов исчезло, словно сон от внезапного пробуждения. Я представил Лёшу живым и улыбающимся.

Этот молодой парень получил черепно-мозговую травму во время Чехословацких событий.

Его танк подожгли, а ребята-танкисты, выбираясь из машины, не применили табельного оружия, попали в руки разъярённой толпы и были жестоко избиты.

В больнице мы сдружились. Играли в шахматы, отдыхали в парке, вели откровенные разговоры. От Лёши я впервые услышал, что наш социализм в Европе никому не нужен, чему я никак не хотел верить. И вот друга нет...

Ночью, когда я только-только забылся, Людмила Ивановна тронула меня за плечо. Мы вышли в коридор, где дожидался напарник, и направились в изолятор.

Увязали тело Лёши в простыню, переложили на носилки и понесли. Перед входом в подвал медсестра разожгла керосиновую лампу. Открыла тяжёлую дверь – из подполья потянуло холодом. Блики и тени заплясали на древних стенах.

Я спускался в полумраке по каменным ступенькам с ощущением погружения во что-то необъяснимое, охватывающее всё моё тело вязким холодом и ознобом.

Страх не было, но в какой-то момент показалось, что я когда-то здесь уже был. Каменные стены, холод и мрак – всё было знакомым... В мыслях стал перебирать «страницы» памяти, но Людмила Ивановна повела дальше, и мы оказались в просторном подполье с мощённым крупным камнем полом и многочисленными арками.

Озноб пропал, я огляделся, на память пришёл наш Сольвычегодск, Благовещенский собор с каменными мешками и страшные рассказы о его узниках.

Показалось, что сейчас увижу кучи человеческих костей. Людмила Ивановна, как знающий экскурсовод, провела нас под арками ещё несколько метров, и мы оказались у большого зелёного ящика. Опустили носилки на пол. Медсестра подала ключ.

Я открыл навесной замок и поднял крышку.

Внутри лежало тело худой голой старухи с длинными седыми волосами, прикрывавшими левую грудь, а угол простыни, на которой она лежала, закрывал ноги до колен.

Меня передёрнуло, я с недоумением посмотрел на Людмилу Ивановну и спросил:

– Лёшу к этой старухе?

Она с не меньшим изумлением ответила:

– А куда же ещё?

– Людмила Ивановна, но ведь это неправильно! Почему молодой парень должен лежать со старухой?

– Давай, Саша, клади его туда, ему теперь всё равно с кем и где лежать...

Понимая всю безысходность происходящего, я вытащил из-под бабки простынь, накрыл ею тело умершей, и мы с напарником уложили на неё Лёшу.

Закрывая крышку мертвецкого ящика, я извинился перед покойниками, а в голове пронеслась где-то слышанная ранее фраза: «Перед Богом все равны...»

Неудача

Во все времена трудно и бедно жило северное крестьянство. Не исключением были и пятидесятые годы прошлого столетия. Не оправившись от коллективизации в тридцатых, деревня вошла в Отечественную войну, и изнурительный крестьянский труд тяжёлой ношей лёг на плечи женщин и подростков. Вернувшиеся с фронта мужики стосковались по работе на земле. Окрылённые победой над фашизмом и уверенные, что наконец-то теперь заживут хорошо, они с энтузиазмом взялись за возрождение своей многострадальной деревни.

Недоедая и недосыпая, плохо одетые и с верой не в Бога, как их предки, а в непонятное и далёкое светлое будущее, они отдавали все свои силы родной деревне, своему колхозу. Работали за трудодни⁴ и рожали детей, чтобы передать им свою любовь к земле и крестьянскому труду. Детские голоса в деревне (в ту пору даже без радио) стали самой частой, любимой и популярной мелодией. Дети были объектом радости и ласки.

Семья Тарбаевых жила в деревне Михалёво (два ряда изб на правом берегу реки Устьи). Появилась эта фамилия в Устьянских сохах⁵ в XVIII веке от крестьянина Севастьяна Тарбаева, обрусевшего татарина или какого другого отпрыска тюркского племени, предки которого пришли в эти места из Великого Новгорода. В деревне, кроме Тарбаевых, жили Мымрины и Илатовские. Все они в той или иной степени приходились друг другу родственниками.

У Тарбаевых было пятеро детей. Зина родилась до войны, а Коля, Лёня, Таня и Галя – в послевоенные годы. Зина, окончив школу, училась на курсах поваров в селе Черевково. Коля – в четвёртом классе, Лёня – в первом. Сестрёнки были маленькие и, когда другие находились на работе и в школе, сидели дома под присмотром бабки Надёжи – матери отца семейства.

День в семье начинался обыденно. Хозяин, Александр Александрович, работал в колхозе бригадиром, а потому уходил рано, чтобы успеть дать разрядки работникам.

Хозяйка, Ефросинья Игнатьевна, обрядившись, будила ребят, кормила завтраком и отправляла в школу. Готовила обычно кашу-повалиху. Заваренное крутым кипятком ячменное тесто, протомлённое в русской печи, было любимым лакомством детей. Ребята ели горячую кашу с большим удовольствием, макая её в топлёное масло или запивая холодным молоком. Зимой кашу чаще ели с клюквенным киселём или мочёной брусникой.

Позавтракав, дети надевали свою нехитрую одежку, пошитую обычно в домашних условиях. Коля носил брюки, сшитые из бывших отцовских галифе, и рубашку – из мужской натальной рубахи, покрашенную в синий цвет.

Пальтишко перешли из старого пальто сестры Зины. А на ногах – онучи⁶ и лапоточки. Берёзовые лапти ребятам плёл дядька Алёшка. Коле очень нравилась обувка из берёзовой коры, да и не было другой. Видя, как ловко ладится у дяди работа, он просил и его научить плести лапти.

С удовольствием наблюдал Коля, как нарезаются из бересты неширокие, но длинные полоски, а он помогал скручивать их в рулончики и складывал в зобеньку⁷ на хранение. Дядя

---

⁴ *Трудодень* – мера оценки и форма учёта количества и качества труда в колхозах в период с 1930 по 1966 год. Заработная плата членам колхозов не начислялась. Весь доход после выполнения обязательств перед государством (обязательные поставки и внесения натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций) поступал в распоряжение колхоза. Каждый колхозник получал за свою работу долю колхозного дохода соответственно выработанным им трудодням.

⁵ *Устьянские сохи* – Устьянские волости, особое административно-территориальное образование в составе Московского княжества, Русского царства.

⁶ *Онучи* – портянки.

⁷ *Зобенька* – небольшая корзина, плетёная из бересты.

Алёшка охотно показывал племяннику, как с помощью деревянного кочедыга из берёзового лыка⁸ получается плетёная обувь.

Коля быстро оделся сам и стал помогать мотать онучи и надевать лапти младшему брату. У Лёни никак не получалось быстро и правильно наматывать портянки и завязывать верёвочки-шнурки. Лёнька нервничал и, чуть не плача, тихо ругался.

Его одежда была так же проста, как и у Коли. Брюки пошиты из трофейного немецкого мешка плотной ткани серого, как пепел, цвета. Внизу на одной из штанин виднелось изображение орлиного крыла – остатки фашистского герба. Рубаха зелёного цвета, сшитая из старого сарафана бабки Надёжи.

Вместо пальто Лёня носил матросский бушлат, купленный матерью у заключённых. Он был ему велик, спускался до пят, но, подпоясавшись армейским ремнём, Лёня ходил в нём в школу и на прогулки.

Ребята оделись, захватили холщовые сумки с тетрадями и отправились в школу.

Четырёхклассная школа находилась за ручьём, в другом конце деревни, на самой окраине, даже немного в стороне.

Пока шли, собиралась большая ватага ребят и девочек, весело и шумно шагающая к школе. Затем ученики расходились по двум классам: первый и третий – в один кабинет, второй и четвёртый – в другой.

После уроков все бежали домой, чтобы поскорей сделать домашнее задание и успеть погулять с друзьями до наступления сумерек. На улице всю хозяйничала весна, и, насидевшись дома на печи в холодную зиму, ребята очень хотели побегать на улице.

Они допоздна играли в «попа-погоняло» и «чижика», соревнуясь в беге и умении метко бросать самодельные биты.

Лёня пришёл из школы раньше брата (четвероклассники после уроков в колхозе помогали делать торфяные горшочки для посева семян капусты на рассаду). Пообедав наскоро и немного поиграв с младшей сестрёнкой Галинкой, Лёня взял ведро и побежал на реку по воду. Воды для хозяйства надо много, а потому они с братом договорились, кому сколько наносить.

Когда Коля пришёл, Лёнька уже натаскал воды в свои кадки, сделал домашнее задание по арифметике и правописанию. Осталось стихотворение, его учительница Анна Михайловна просила выучить к завтрашнему дню. Пока Коля давал сена корове да носил воду, Лёнька учил стих (небольшой, потому быстро осилил).

– Бабка Надёжа, – обратился он к своей престарелой бабушке, – послушай, как я читаю стихотворение...

Бабка была неграмотная и очень любила, когда кто-нибудь из внуков читал вслух книжку или рассказывал стихи.

– Танька, – повернулся к сестре, сидевшей около мирно посапывающей в люльке младшей сестрёнки, – ты тоже слушай! Через два года сама в школу пойдёшь, тебе это пригодится. Учись у братьев!

Лёнька забрался на массивную лавку у стола, чтобы бабка с сестрой могли его видеть во весь рост и хорошо слышать. Небольшого росточка, худенький, в длинной, ниже колен, мятой рубахе, он уверенно влез на скамью, встал и расправил плечики, чуть-чуть задрав наголо стриженную голову, представляя себя перед классом, и начал:

– «Песня матери»! Автор – Алексей Плещеев!

Затем выдержал паузу и выразительно продекламировал:

---

⁸ Лыко – верхний слой коры берёзы, осины, липы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.